

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Алессандро Портелли

ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ ИСТОРИИ¹

«Да, — подхватила Миссис Оливер. — А когда они говорят об этом позже, то сами придумывают объяснение. От этого мало пользы». — «Вовсе нет, — возразил Пуаро. — Важно знать определенные факты, застрявшие в памяти людей, хотя сами они могут не понимать, что эти факты означают, каковы их причины и к чему они ведут. На основании воспоминаний у них возникают теории супружеской измены, болезни, ревности, самоубийства по уговору — все предположения, о которых Вы упоминали. Нам предстоит выяснить, насколько вероятны эти теории».

Агата Кристи. Слоны умеют помнить

Его исторические исследования, однако, проходили не столько среди книг, сколько среди людей — ибо первые, к сожалению, содержали скудные сведения по его любимым темам, в то время как старые обыватели, а еще более их жены — как он обнаружил — знают много таких легенд и преданий, которые столь бесценны для всякой настоящей истории. Таким образом, когда бы ему ни случилось натолкнуться на настоящую голландскую семью, уютно укрытую на своей ферме с низкой крышей под раскидистым сикомором, он рассматривал ее как маленький томик в обложке из черной кожи с застежкой и изучал ее со всем рвением книжного червя.

Вашингтон Ирвинг. Рип Ван Винкль

ВОСПОМИНАНИЯ, ВЕДУЩИЕ К ТЕОРИЯМ

Призрак бродит по университетским аудиториям — призрак устной истории². Итальянское научное сообщество, всегда с подозрением

¹ Перевод публикуется с разрешения автора.

² Выражение «устная история», действительно, представляется достаточно спорным, поскольку оно, скорее всего, предполагает, что история пишется только на основании устных свидетельств, исключая все остальные типы источников. Поэтому точнее было бы говорить об «устных источниках». Однако, учитывая то, что это выражение уже стало общепотребительным, оно используется здесь для краткости. Под этим термином понимается такой тип исторического исследования, в котором устным источникам отводится важная, но не исключительная роль.

относящееся к новшествам извне и в то же время столь раболепное перед «иностранными открытиями», поспешило подогнать устную историю под свой размер еще прежде, чем попыталось понять, что такое устная история и как ее можно использовать. Устной истории стали приписывать такие претензии, которых у нее нет, — чтобы потом никому не составило бы труда эти претензии ниспровергнуть. Так, например, газета «Република» («La Repubblica») — самая интеллектуальная и космополитичная из итальянских ежедневных газет — поспешила с презрением отвергнуть «рассказы “людей из низов” и надуманные исследования по “устной истории”, где будто бы “вещи действуют и говорят сами собой”, даже не заметив, что устная история предполагает, что отнюдь не вещи, но люди (хотя с этими людьми и часто обращаются, как с вещами) “действуют и говорят сами за себя”»³.

Очевидно, существует опасение: как только шлюзы плотины, преграждающей путь культуре устного рассказа, будут подняты — письменность (и само рациональное мышление вместе с ней) будет сметена прочь неконтролируемым потоком аморфной информации. Но подобное представление мешает признать, что тот благоговейный трепет, который мы испытываем перед письменным текстом, искажает наше восприятие языка и процесса общения до такой степени, что мы более не в состоянии понимать как устную культуру, так и природу самой письменности. Помимо всего прочего, письменные и устные источники не исключают друг друга. Они обладают как общими, так и своими особыми свойствами и задачами, выполнить которые может только один из этих двух типов источников (или же с которыми один из них справляется лучше, чем другой). Соответственно они требуют разных приемов и методов анализа и интерпретации. Но недооценка или переоценка устных источников приводит к тому, что их особенности теряются, а они сами превращаются либо в простое дополнение к традиционным письменным источникам, либо в иллюзорное средство для решения всех проблем. Настоящая работа представляет собой попытку показать некоторые характерные особенности устных источников, что поможет понять, в чем эти источники могут оказаться особенно полезными для исследователей.

³ Из статьи Беньямино Плачидо (Beniamino Placido), опубликованной в газете «Република» (см.: La Repubblica, 1978. 3 ottobre).

Устная природа устных источников

Устные источники — это *устные* источники. Исследователи готовы признать, что подлинным документом является магнитофонная кассета с записью, однако почти все они продолжают работать с транскрипциями и только транскрипции и публикуются⁴. Иногда кассеты с записью на самом деле уничтожаются — своего рода символический акт разрушения устного слова.

В транскрипции звук превращается в знак, что неизбежно влечет за собой его определенное изменение, обеднение смысла, интерпретацию сообщения. Убедиться в том, что аудиозапись и ее транскрипция по-разному воздействуют на аудиторию (при использовании в учебных целях, например), можно лишь на собственном опыте. Это одна из причин, почему я полагаю, что не стоит уделять чрезмерного внимания поиску новых, все более точных методов транскрибирования. Надеяться, что транскрипция сможет заменить аудиозапись для исследовательских целей, — то же самое, что предложить искусствоведу изучать картины по репродукциям, а литературному критику — произведения иностранных авторов в переводах. Перевод, который ближе всего к тексту оригинала, вряд ли самый лучший, и тот перевод, который более всего сохраняет истинный смысл текста, всегда предполагает определенную степень домысла. То же самое можно сказать о транскрибировании устных источников.

Невнимание к устной природе источника непосредственно сказывается на теории его интерпретации. С одной стороны, всегда подчеркивается особое происхождение такого источника: устные источники дают нам информацию о неграмотных людях или социальных группах, чья письменная история или не существует, или серьезно искажена. С другой стороны, отмечается особое содержание источника — устный источник повествует о повседневной жизни и материальной культуре таких людей или групп. Однако эти черты не являются чем-то присущим только устным источникам. Письма эмигрантов, например, имеют то же самое происхождение и содержание, но они относятся к письменным источникам. В то же время в ходе реализации многих проектов по устной истории были собраны интервью с людьми, принадлежащими к таким социальным группам, которые пользуются письмом; содержание этих интервью затрагивает темы, обычно получающие достаточное отражение в традиционных письменных архивных материалах. Следовательно *происхождение и содержание* источника не являются достаточными критериями для того, чтобы отличать устные источники от всех остальных, используемых в социальной истории в целом. Таким образом, многие теории устной истории на самом деле являются теориями социальной истории как таковой⁵.

Поэтому, пытаясь найти отличительные особенности устной истории, мы должны обратиться в первую очередь к ее *форме*. Едва ли нужно здесь повторять, что при письменной передаче язык представлен по преимуществу в виде таких его составных единиц, как графемы, слоги, слова и предложения. Но в языке смысл также передается и с помощью других средств, которые не сводятся к этим составным единицам. Интонации, повышения и понижения голоса, ритм народной речи — все это несет в себе определенный смысл и социальные коннотации, которые не могут быть воспроизведены на письме — разве что в особой музыкальной записи, но и тогда они будут представлены в неадекватной и с трудом доступной для восприятия форме⁶. Одно и то же высказывание может иметь противоположный смысл в зависимости от интонации говорящего, которая не может быть передана в транскрипции, а лишь приблизительно описывается словами самого транскрибирующего.

Для того чтобы сделать транскрипцию доступной для чтения, обычно необходимо расставить знаки препинания, которые всегда являются более или менее произвольными дополнениями человека, производящего эту операцию. Знаки пунктуации обозначают паузы, распределенные согласно правилам грамматики: каждый знак имеет

Для того чтобы сделать транскрипцию доступной для чтения, обычно необходимо расставить знаки препинания, которые всегда являются более или менее произвольными дополнениями человека, производящего эту операцию. Знаки пунктуации обозначают паузы, распределенные согласно правилам грамматики: каждый знак имеет

⁴ В Италии одним из исключений является Институт Эрнесто Де Мартино в Милане — независимая радикальная исследовательская организация, которая начиная с середины 1960-х гг. публиковала «звуковые архивы» на долгоиграющих грампластинках, что было полностью проигнорировано итальянским культурным истеблишментом (см.: *Coggiola F. L'attività dell'Istituto Ernesto de Martino // L'etnomusicologia in Italia / A cura di D. Carpitella. Palermo: Flaccovio, 1975. P. 265-270*).

⁵ *Passerini L. Sull' utilità e il danno delle fonti orali per la storia // Storia Orale. Vita quotidiana e cultura materiale delle classi subalterne / A cura di L. Passerini. Torino: Rosenberg & Sellier, 1978. В статье обсуждается проблема соотношения устной истории и социальной истории.*

⁶ Об использовании музыкальных знаков для записи звуков речи см.: *Marini G. Musica popolare e parlato popolare urbano // I Giorni Cantati / A cura del Circolo G. Bosio. Milano: Mazzotta, 1978. P. 33-34; Lomax A. Folk Song Styles and Culture. Washington DC: Amer. Assoc. for the Advancement of Sci., 1968. Во второй статье обсуждается электронное воспроизведение вокальных стилей.*

свое условное место, значение и длительность. Все эти свойства вряд ли совпадают с ритмом и паузами говорящего, и в результате живая речь оказывается ограниченной рамками грамматических и логических правил, которым она зачастую вовсе не следует. Замечено, что знаки пунктуации организуют сообщение в пространстве, в то время как паузы живой речи обладают протяженностью во времени⁷. Точная продолжительность и расположение паузы имеют принципиальное значение для понимания смысла речи. Регулярные грамматические паузы способствуют тому, что произносимая речь приобретает характер последовательного изложения или описания, в то время как паузы нерегулярной длины и расположения во фразе подчеркивают эмоциональность высказывания, а паузы, выдержанные в определенном ритме, вызывают в памяти стиль эпического повествования. Большинство рассказчиков меняют ритм повествования в течение одного и того же интервью — по мере того как меняется их отношение к обсуждаемым проблемам. Конечно же, эту перемену можно уловить только на слух — она не воспроизводится в письменной передаче!

Сходное замечание справедливо и применительно к скорости речи и ее изменениям в ходе интервью. Не существует каких-либо строгих правил интерпретации этих изменений: замедление речи может означать как более сильный смысловой акцент, так и возрастающие трудности в рассказе, а ускорение повествования — как желание проскочить побыстрее щекотливые моменты, так и лучшее знакомство с предметом, и уверенность рассказчика. Во всех случаях следует внимательно наблюдать за изменениями в скорости речи и ее ритма. Значение этих изменений, неотъемлемо присущих устной речи, оказывается утраченным в письменной записи — ведь письму (и особенно печатному тексту) свойственна регулярность (все различия здесь отражают субъективные свойства читателя, а не лица, от имени которого написан текст).

Здесь имеются в виду не только сугубо филологические проблемы. Смысловые оттенки устной речи, которые не передаются при письме, имеют принципиальное значение для повествования: они раскрывают эмоциональные переживания рассказчиков, указывают на характер их участия в описываемой истории и на то, как излагаемые события воздействовали на них. Часто эти оттенки

⁷ Ong W.J. African Talking Drums and Oral Poetics // New Literary History. / 1977. Vol. 8, N 3. P. 411–429; Tedlock D. Toward an Oral Poetics // Ibid. P. 506–519.

включают в себя те отношения и переживания, которые рассказчики не могут (или не хотят) выразить иными способами, или такие смысловые уровни повествования, которые сам рассказчик полностью не контролирует. Исключив эти характеристики, мы сглаживаем эмоциональное содержание речи, придавая ей сдержанность и объективность письменного документа. Это особенно справедливо, когда речь идет о народной речи: словарный запас может быть достаточно беден, грамматические конструкции — крайне простыми, но такие рассказы отличаются богатством интонаций, голосовыми модуляциями, особой музыкальностью, что выгодно отличает их от речи представителей среднего класса, научившихся в разговоре подражать монотонности письменного текста⁸.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ПОВЕСТВОВАНИЕ (НАРРАТИВ)

Устные источники являются *нарративными* источниками. Соответственно, анализируя эти источники, мы должны использовать некоторые общие понятия, выработанные теорией нарративного жанра в литературоведении и фольклористике. Я имею здесь в виду в первую очередь свидетельства, данные в форме свободного интервью; для анализа произведений устного творчества, воспроизводящихся дословно и не имеющих нарративного характера (как, например, песни и пословицы), вопросы формы имеют еще более принципиальное значение.

Так, например, в некоторых рассказах заметны значительные изменения в «скорости» повествования, т. е. в соотношении между тем, сколько длились описанные события в реальности, и временем, которое занимает сам рассказ о них. Информант может пересказать в нескольких словах свой жизненный опыт, на приобретение которого ушло много лет, или описывать во всех деталях короткий эпизод. Эти перепады имеют большое значение, хотя мы и не можем вывести общее правило для их интерпретации: детальное изложение всех подробностей события может означать желание рассказчика как подчеркнуть его значимость, так и отвлечь внимание слушателя от других, более щекотливых моментов. Во всех случаях, однако, есть некоторая зависимость между скоростью повествования и тем

⁸ О выразительных качествах нелитературной речи см.: Labov W. The Logic of Non-standard English // The Politics of Literature / Ed. by L. Kampf, P. Lauter. New York: Random House, 1970. P. 194–244.

смыслом, который придает ему рассказчик. То же самое можно отнести и к другим категориям из числа разработанных Жераром Жене́ттом⁹ — таких, например, как «дистанция» или «перспектива», которые определяют положение повествователя по отношению к рассказу¹⁰.

Устные источники, созданные классами, занимающими подчиненное положение в обществе, связаны с традицией народного рассказа. В рамках этой традиции различия между нарративными жанрами воспринимаются иначе, чем в письменной традиции образованных классов. Это справедливо в отношении ключевого различия между «документальным» и «художественным» повествованием, между «событиями» и эмоциями или воображением. В то время как понятие «правдивого» рассказа применимо как к легенде, так и к личному опыту и исторической памяти, не существует особых устных жанров, которые специально предназначались бы для передачи исторической информации: исторический, поэтический и легендарный нарративы часто оказываются неразрывно связанными¹¹. В результате возникает повествование от первого лица, где оказывается размытой граница между событиями внешнего мира — и тем, что происходит в душе рассказчика; между тем, что затрагивает жизнь отдельного человека, — и тем, что касается всей группы людей; личностная «правда» здесь может совпадать с коллективным «воображением».

Каждый из этих факторов может быть раскрыт через анализ формальных и стилистических признаков повествования. Большее или меньшее присутствие формализованного материала (пословиц, песен, ритуальных формул, стереотипных выражений) может указывать на то, в какой мере в рассказе отдельного человека присутствует коллективная точка зрения. Переходы со стандартного литературного языка на диалект часто являются показателем того, насколько рассказчик контролирует свое повествование.

⁹ Жерар Жене́тт (Gerard Genette) — крупнейший французский специалист по современной теории литературы, автор классических работ по структурной поэтике, риторике, теории нарратива. — *Примеч. пер.*

¹⁰ В этой статье автор использует эти термины так, как они определены в работе Ж. Жене́тта (см.: *Genette G. Figures III*. Paris: Seuil, 1972). [Русский перевод: *Жене́тт Ж. Фигуры: Работы по поэтике: В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — Примеч. пер.*]

¹¹ О жанровых различиях в фольклорном и устном повествовании см.: *Ben-Amos D. Catégories analytiques et genres populaires // Poétique. 1974. N 19. P. 268–293; Vansina J. Oral Tradition*. Harmondsworth: Penguin Books, 1961. (2nd ed. — 1973).

Очень часто встречается такая модель повествования, где, как правило, используется стандартный литературный язык, в то время как диалект «просачивается» в отступлениях, отдельных эпизодах. Это может указывать либо на то, что рассказчик сильнее ощущает свою причастность к описываемым событиям, либо на вмешательство коллективной памяти (как это бывает в тех случаях, когда явление диалекта совпадает с определенными языковыми формулами). В то же время стандартный литературный язык может появиться в рассказе, который ведется на диалекте, когда речь заходит о вещах, более тесно связанных с общественной жизнью, например с политикой. Со своей стороны это может означать как более или менее сознательное стремление рассказчика отстраниться от описываемых событий, так и вторжение в рассказ более «образованной» манеры изъясняться, к которой человек приобщается, начав участвовать в политике¹². Наоборот, использование диалекта для обозначения технических терминов может быть как признаком живучести традиционной речи, так и показателем того, что рассказчик стремится расширить выразительные возможности своего повествования.

СОБЫТИЯ И СМЫСЛ

Итак, первая особенность устных источников заключается в том, что они доносят до нас информацию не столько о самих событиях прошлого, сколько о смысле этих событий. Из этого, однако, еще не следует, что устные источники не имеют никакой ценности с точки зрения фактической достоверности. Интервью часто открывают нам неизвестные события или неизвестные стороны известных событий, они часто проливают новый свет на неисследованные сферы повседневной жизни угнетенных классов. С этой точки зрения, единственная проблема, которая здесь возникает перед исследователем, — это подтверждение достоверности устного источника (к этому вопросу я еще вернусь в следующем разделе).

¹² Так, например, Г. Бордони, активист Компартии Италии из Рима, говорит о своей семье и местном сообществе в основном на диалекте, но быстро переходит на более стандартную форму итальянского языка каждый раз, когда он хочет подтвердить свою приверженность компартии. Этот переход показывает, что хотя он и принимал решения партии, они оставались для него чем-то отличным от его непосредственного жизненного опыта. Он постоянно использует выражение: «И с этим уже ничего не поделаешь» (см.: *I Giorni Cantati / A cura del Circolo G. Bosio*. Milano: Mazzotta, 1978. P. 58–66).

Однако по-настоящему уникальная и драгоценная для историка особенность устного источника, которой не обладает в такой степени ни один другой тип источника, — это субъективность рассказчика. Таким образом, если провести в достаточной мере комплексное и масштабное исследование, можно получить своеобразный «срез» субъективного восприятия отдельной социальной группы или класса. Устные источники говорят нам не только о том, что люди делали, но и о том, что они хотели сделать, что — как они тогда полагали — они делали и что они думают теперь о том, что они делали в прошлом. Устные источники не так уж много могут добавить к тому, например, что мы знаем о материальном ущербе, понесенном бастующими, но они очень много рассказывают нам о психологической цене стачки. Позаимствовав из области литературной критики понятие, введенное русскими формалистами, мы можем сказать, что устные источники, особенно созданные угнетенными социальными группами, могут быть полезными в сочетании с другими источниками в том, что касается *фабулы* — т. е. логической, причинно-следственной последовательности рассказа; но что делает их совершенно уникальными и необходимыми для историка — так это их *сюжет*, т. е. та последовательность, в которой рассказчик выстраивает материал своего повествования¹³. Именно в построении повествования, равно как и в отдельных не столь отчетливо выраженных фрагментах рассказа, проявляется — в рамках субъективного восприятия своей социальной группы — субъективность отдельного рассказчика.

Субъективное восприятие событий в такой же мере входит в сферу компетенции историка, как и сами события материального мира. То, во что верят информанты, в той же мере составляет исторический *факт* (факт того, что люди в это верят), что и реально случившиеся события. Когда рабочие города Терни ошибочно переносят ключевое событие своей истории (убийство Луиджи Трастуллы) из одного хронологического и событийного контекста в другой — это не заставляет нас сомневаться в действительной хронологии событий, но позволяет нам понять то, что невозможно увидеть

¹³ О фабуле и сюжете см.: Tomasevskij B. La costruzione dell intreccio // I formalisti russi / A cura di T. Todorov. Torino: Einaudi, 1968. P. 305–350. [Русский оригинал: Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика (1928). М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 179–206. Согласно Б. Томашевскому, «фабулой является совокупность мотивов в их логической причинно-временной связи, сюжетом — совокупность тех же мотивов в той же последовательности и связи, в какой они даны в произведении» (С. 182–183). — *Примеч. пер.*]

ним способом — символическую роль, которую играет это событие в осмыслении рабочими своей послевоенной истории. Когда стирый больной человек, активист из рядовых рабочих в том же Терни, придумывает историю о том, как ему едва не удалось после Второй мировой войны склонить на свою сторону — против П. Тольятти — всю Коммунистическую партию Италии и изменить ее стратегическую линию, мы прекрасно знаем, что этот рассказ в действительности ничем не подтвержден, но он позволяет нам понять, какие огромные психологические усилия пришлось затратить рядовым рабочим-коммунистам, чтобы примириться с отказом партии от курса на социалистическую революцию, — память об этих усилиях оказалась погребенной в коллективном подсознании. Когда же выясняется, что подобные истории рассказываются в других областях и регионах Италии, мы понимаем, что «фантазии» нашего информанта нельзя объяснить лишь особенностями его личности — перед нами целый комплекс легенд в процессе его становления. События, о которых здесь идет речь, никогда не имели место на самом деле — но какая-то часть рабочего класса хотела, чтобы они произошли. «Старческие бредни» разуверившегося больного рабочего имеют такую же историческую ценность, как и богатые множеством подробностей, точные и в высшей степени рассудительные мемуары партийного руководства¹⁴.

Должны ли мы верить устным источникам?

Устные источники достоверны, но их достоверность имеет *особую природу*. Особый интерес устного источника для исследователя может заключаться не столько в его соответствии реальным фактам, сколько в его *отклонениях* от них — в этих отклонениях проявляются человеческое воображение, желания, символы. Поэтому не существует «недостоверных» устных источников. Подчеркнем еще раз:

¹⁴ Эти рассказы рассматриваются в статьях Алессандро Портелли: Portelli A. 1) La memoria e l'evento. L'assassinio di Luigi Trastulli // Segno Critico. 1981. Vol. 2, N 4. (английский перевод этой статьи см. в сборнике работ Портелли: Portelli A. The Death of Luigi Trastulli // Portelli A. The Death of Luigi Trastulli and Other Stories. Form and Meaning in Oral History. Albany: State University of New York Press, 1991. P. 1–26; перевод на русский язык см. в настоящем издании); 2) Una storia sbagliata: memoria operaia e mondi possibili // I Giorni Cantati. 1981. N 1. P. 13–31 (английский перевод см.: Portelli A. Uchronic Dreams: Working Class Memory and Possible Worlds // Portelli A. The Death of Luigi Trastulli and Other Stories. Form and Meaning in Oral History. P. 99–116).

вначале должна быть произведена проверка фактической достоверности устных источников — как и любых других источников — согласно всем правилам исторической критики. Особенность же устных источников заключается в том, что и те сообщения, которые будут признаны «недостоверными», требуют исторического объяснения. «Ошибки» рассказчика иной раз дают нам для понимания прошлого гораздо больше, нежели фактически достоверные рассказы.

Конечно, это не означает, что мы должны согласиться с распространенным предубеждением, согласно которому фактическая достоверность является монополией письменных документов. Очень часто письменные документы представляют собой лишь не поддающиеся проверке воспроизведение информации, почерпнутой из неустановленных устных источников (как это было в случае с донесением о смерти Трастулли, которое начинается словами «согласно полученной изустно информации...»). Переход от этих устных «первоисточников» к письменному документу часто представляет собой результат процесса, который научно никак не обоснован и несет на себе печать ярко выраженной классово-тенденциозности. В протоколах судопроизводства (по крайней мере, в Италии, где аудиозапись или стенограмма не имеют никакой юридической ценности) записываются не действительно произнесенные свидетелями слова, но их сокращенный пересказ, продиктованный судьей секретарю. Искажения, неизбежно сопутствующие этой процедуре, не поддаются никакой оценке, особенно когда выступающие на самом деле изъясняются на диалекте. И все же многие историки, которые с презрением относятся к устным источникам, признают эти судебные записи, не задавая никаких вопросов. В меньшей степени (благодаря распространению стенографии) это относится к протоколам заседаний парламента, различных совещаний и съездов, интервью, опубликованным в газетах, — словом, ко всем источникам, которые вполне обоснованно и широко используются в традиционном историческом исследовании.

Побочным следствием такого предубеждения является тенденция настаивать на том, что заключенная в устных источниках информация претерпевает значительные искажения в силу слабости самой человеческой памяти, поскольку эти источники по времени отстоят от событий. В действительности же эта проблема распространяется и на письменные документы: многие из них бываю обычно записаны какое-то время спустя после события, к которому они

относятся, и часто создаются не самими непосредственными участниками. Устные же источники могут создаваться и во время развития самих событий. Хотя письменные воспоминания политиков или профсоюзных деятелей обычно встречают доверие (до тех пор, пока не доказано, что их авторы ошибаются), они точно также отдалены от описываемых событий, как и многие устные интервью. Мемуары лишь скрывают свою зависимость от времени, приняв вид неизменного «текста», — письменный текст создает иллюзию невозможности каких бы то ни было изменений, как в прошлом, так и в будущем. На самом деле, «предыстория» текста, разворачивающаяся между тем временем, когда произошло само событие, и моментом записи, ускользает от нас, подобно памяти устных источников. Поэтому к устным источникам применимы те же меры предосторожности в отношении их достоверности, что и к письменным источникам.

Нам могут возразить, что публикуемые в большом количестве автобиографические свидетельства политиков и бизнесменов, деятелей науки и культуры обладают большей достоверностью, поскольку сообщаемые в них сведения можно проверить и уточнить перед выходом в свет. Однако и устные рассказчики в рамках своей культуры располагают определенными средствами, служащими подспорьем для памяти. В обществе, где письменная культура служит достоянием лишь немногих, сохраняются особые техники запоминания информации, которые в значительной степени атрофировались у тех, кто полагается почти исключительно на письменный текст. Многие истории рассказываются снова и снова или обсуждаются с другими членами данного сообщества; облегчению запоминания служат определенные формулы речи, привязка событий к конкретным дням, которые занимают особое место в календаре сельскохозяйственных работ, употребление прозвищ, характеризующих их носителей, даже сам размер строфы эпоса. В рамках коллективной традиции сохраняется память об отдельных событиях, а также о перипетиях жизненного пути отдельных людей.

В действительности не следует забывать, что устные информанты вполне могут быть грамотными людьми. Конечно, Тиберио Дуччи, бывший руководитель союза сельскохозяйственных рабочих в Дженцано, в окрестностях Рима, скорее представляет собой исключение: он не только хорошо помнил события, в которых сам принимал участие или о которых узнал из устной традиции, — он также провел изыскания в местных архивах. Но большинство информантов читают книги и газеты, слушают радио и смотрят телевидение,

посещают церковные проповеди и политические собрания, некоторые из них ведут дневники, хранят письма, вырезки из газет, альбомы фотографий. Уже много веков устная и письменная культуры взаимно дополняют друг друга: большинство письменных источников основываются на устной информации; в свою очередь, современная устная культура пропитана культурой письменной.

Для нас, однако, важно то, что память не является лишь пассивным хранилищем фактов, но представляет собой активный процесс осмысления мира. Таким образом, специфическая ценность устных источников для историка заключается не столько в их способности сохранять прошлое, сколько в самом их изменении под воздействием памяти. Эти изменения обнаруживают усилия рассказчиков осмыслить прошлое, придать своей жизни определенную форму, поместить само интервью и свой рассказ в исторический контекст.

Изменения, которые, возможно, произошли после какого-либо события в субъективном сознании рассказчиков или в их социально-экономическом положении, могут повлиять если не на сам пересказ этих событий, то, во всяком случае, на их оценку и на форму рассказа. Некоторые информанты, например, очень неохотно говорят о противозаконных формах борьбы, таких как саботаж. Из этого вовсе не следует, что они забыли о том, что происходило в прошлом, — скорее, эти умолчания отражают перемены в их политических убеждениях, личных обстоятельствах или имеющейся партийной линии по этому вопросу. Деяния, которые считались оправданными и даже вполне нормальными или необходимыми в прошлом, могут теперь рассматриваться как «чуждые традиции рабочего движения» и буквально оказаться вычеркнутыми из коллективной памяти. В таких случаях самая ценная информация может заключаться не в том, *о чем* информанты *говорят*, а в том, *о чем* они *умалчивают*, о чем говорят неохотно или недоговаривают.

Часто, однако, рассказчики вполне способны воссоздать свое прошлое отношение к событиям, даже если оно более не совпадает с их нынешними взглядами. Так, например, рабочие Терни в настоящее время признают, что насильственные способы борьбы с теми, кто был виноват в массовых увольнениях 1953 г., могли только усугубить ситуацию, но все же они могут совершенно четко вспомнить и объяснить, почему эти меры казались полезными и разумными четверть века назад. В одном из самых значимых документов, созданных устной историей в наши дни, — в «Автобиографии Маль-

кольма Икс»¹⁵ — рассказчик живо описывает свой образ мыслей до того, как он принял ислам и пришел к нынешним политическим убеждениям, и судит собственное прошлое по меркам своего настоящего политического и религиозного сознания. Если интервью проведено умело и его цели ясны для рассказчика, то последний вполне способен провести различие между самим собой сейчас и самим собой в прошлом и представить себя прошлого как человека, отличного от своего нынешнего «я». В таком случае — и Малькольм Икс представляет нам снова типичный пример — характерной тональностью повествования является *ирония*: два различных этических, политических или религиозных стандарта (прошлого и будущего) пересекаются и накладываются друг на друга, и возникающее между ними напряжение придает форму самому рассказу¹⁶.

В то же время мы можем также столкнуться и с рассказчиками, чье сознание, кажется, застыло в кульминационный момент их жизненного пути, — примером могут служить некоторые борцы Сопротивления или ветераны войны, а также, возможно, и некоторые активисты студенческого протеста 1960-х гг. Часто эти люди полностью поглощены тем историческим событием, в котором они принимали участие, и их рассказ в своих интонациях и выборе слов обретает черты эпоса. Различие между ироническим и эпическим стилем предполагает разницу во взглядах на прошлое, и мы должны это учитывать в наших трактовках таких свидетельств.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Устные источники *необъективны*. Это положение, конечно, применимо к любому источнику, хотя ореол сакральности вокруг писаного слова часто приводит к тому, что мы забываем об этом положении. Но отсутствие объективности, неотъемлемо присущее устным источникам, коренится в их особых свойствах — это источники, современные не изучаемому событию, а самому исследованию, они

¹⁵ Речь идет о книге Алекса Хейли: *Haley A. Autobiography of Malcolm X. New York, 1965*. В ней приводится биография крайне противоречивой фигуры общественной и политической жизни США — Эль-Хаджи Малика Эль-Шабазза (El-Hajj Malik El-Shabazz), больше известного как Малькольм Икс, — лидера движения негров-мусульман Америки 1950–1960-х гг., убитого в Гарлеме в 1965 г. Автобиография Малькольма Икса была записана с его слов писателем и журналистом Алексом Хейли. — *Примеч. пер.*

¹⁶ *Lukács G. Teoria del romanzo. Roma: Newton Compton, 1975. P. 102.*

созданы искусственно, изменчивы и пристрастны по самой своей природе.

Во введении Алекса Хейли к «Автобиографии Малькольма Икс» описывается, как менялся подход Малькольма как рассказчика. Это происходило не спонтанно, но потому, что интервьюер смог своими вопросами увести Малькольма в сторону от чисто публичного и официального образа самого себя, который тот пытался представить слушателю. Этот пример показывает, что документы устной истории всегда представляют собой результат развития взаимоотношений двух сторон, совместной работы интервьюера и интервьюируемого — даже если в их отношениях и нет согласия. Письменные документы имеют неизменную форму, они возникли до того, как исследователи узнали об их существовании. Устное же свидетельство, пока исследователь не вызывает его к жизни, есть лишь потенциальный источник информации. Условием существования письменного источника является создание его автором, его «выпуск в свет», *эмиссия*; для устного же источника таким условием является его передача, *трансмиссия*, — в этом и состоит отличие, напоминающее разницу между процессом творчества в фольклоре и литературе, описанную Романом Якобсоном и Петром Богатырёвым¹⁷.

Содержание письменного источника не зависит от потребностей исследования и его гипотезы, это стабильный текст, который мы можем лишь по-разному интерпретировать. Содержание же устного источника зависит в основном от того, что привносит в него интервьюер в виде вопросов, диалога с рассказчиком, от их личных отношений, их поведения во время интервью.

Начать следует с того, что именно исследователь принимает решение о проведении интервью. Личность исследователя часто привносит в интервью характерные искажения: информанты рассказывают о том, что (как они полагают) от них хотят услышать, — таким образом, в ходе интервью проявляется, кем они считают исследователя. В то же время если интервью проводится по строго определенным вопросам, то у информанта нет возможности рассказать о таких вещах, о существовании или значимости которых интервьюер мог и не знать заранее и которые он соответственно не принимал в расчет

¹⁷ Jakobson R., Bogatyrev P. Le folklore forme spécifique de création // Jakobson R. Questions de poétique. Paris: Seuil, 1973. P. 59–72. [Русский оригинал: Богатырёв П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества (1929) // Богатырёв П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 369–383. — *Примеч. пер.*]

при составлении плана интервью. Такие интервью обычно лишь подтверждают предыдущие представления и концепции историка.

Поэтому первое требование состоит в том, чтобы исследователь «признал» интересы информанта и отдал приоритет тому, что сам информант хочет рассказать, перед тем, что от него хочет услышать исследователь, сохранив все вопросы, оставшиеся без ответа, до конца беседы или до следующего интервью. Процесс общения всегда протекает в двух направлениях. Интервьюируемые всегда, хотя, возможно, и незаметно, изучают самих интервьюеров, изучающих их. Историкам следует признать этот факт и попробовать использовать преимущества, которые он в себе заключает, а не пытаться его устранить во имя недостижимого (а возможно, и нежелательного) нейтралитета исследователя.

Конечный результат интервью создается усилиями как рассказчика, так и исследователя. Когда при подготовке интервью к публикации, как это часто бывает, речь интервьюера полностью опускается, происходит незаметное искажение: текст представляет собой ответы без самих вопросов, и создается впечатление, что данный рассказчик всегда будет говорить те же самые вещи независимо от обстоятельств — т. е. что живая речь столь же постоянна и неизменна, как и письменный документ. Оттого, что мы вычеркнем слова исследователя, наш источник не станет более независимым — мы лишь потеряем представление о его гибкости и изменчивости.

В действительности устное свидетельство никогда не повторяется дважды в одном и том же виде. Это свойственно всем устным сообщениям, но особенно верно в отношении форм, которые не имеют строго определенной структуры, например исторические рассказы и автобиографии, в особенности те, которые возникают в ответ на заданные вопросы. Даже один и тот же исследователь, интервьюируя одного и того же человека, но в разное время, получит две разные версии рассказа. По мере того как два участника интервью лучше узнают друг друга, «бдительность» рассказчика может притупиться. Подчинение интервьюеру — стремление соответствовать его интересам, какими их представляет себе интервьюируемый, — сменяется большей независимостью или лучшим пониманием целей интервью. Или же предыдущее интервью может просто разбудить воспоминания, о которых человек захочет рассказать потом, при последующих встречах.

То обстоятельство, что интервью с одним и тем же лицом могут продолжаться до бесконечности, подводит нас к вопросу о принци-

пиальной неполноте устных источников. Невозможно истощить полностью память одного информанта — данные, полученные в результате отдельного интервью, всегда являются результатом отбора, сделанного в ходе взаимных отношений двух сторон. Поэтому историческое исследование, использующее устные источники, всегда носит незаконченный характер. Для того чтобы проработать все возможные устные источники по забастовкам 1949–1953 гг. в Терни, пришлось бы проинтервьюировать в деталях несколько тысяч человек: любая выборка была бы настолько репрезентативной, насколько совершенны сами методы выборки, и ни одна из них никогда не смогла бы гарантировать, что неучтенными не оказались «качественные» рассказчики, чьи свидетельства могли бы стоить десяти интервью, отобранных в соответствии с правилами статистической выборки.

Потенциальная неистощимость устных источников влияет и на все другие источники. Если мы думаем, что никакое исследование не может считаться полным, пока оно не исчерпало все устные и письменные источники (мы говорим об отрезке истории, который еще сохраняется в живой памяти), и полагаем, что устные источники в принципе неистощимы, то идеал исследователя — получить сведения из всех возможных источников — становится недостижимым. Историческое исследование, использующее устные источники, всегда остается незаконченным в силу самой природы источников, а историческое исследование, которое не включает в себя устные источники (для тех периодов, для которых они существуют), неполно по определению.

Кому дает возможность быть услышанным УСТНАЯ ИСТОРИЯ?

Устная история это не история, которая дает возможность рабочему классу говорить от своего имени. Конечно, обратное утверждение — с которым часто приходится сталкиваться — не лишено некоторых оснований: рассказы самих рабочих о забастовке, заметно отличающиеся от полицейских сводок и враждебно настроенных газетных статей, несомненно, помогают (хотя и не автоматически) компенсировать тенденциозность, неизбежно свойственную традиционным источникам. Устные источники служат необходимым, хотя и не достаточным, условием для создания истории угнетенных классов; возможно, что потребность в них меньше (хотя нельзя сказать, что они

совсем бесполезны), когда речь идет о воссоздании истории правящих классов, — занимая господствующие позиции в сфере письменной культуры, последние доверяют свою коллективную память письменным текстам.

Тем не менее историк по-прежнему сохраняет контроль за историческим повествованием. Именно историк отбирает людей, с которыми будут проводиться интервью, историк вносит свою лепту в создание самого устного свидетельства, задавая вопросы и реагируя на ответы, историк придает свидетельству его окончательную форму и печатном виде и создает для него контекст (и даже когда речь идет лишь о том, как монтируются и транскрибируются аудиозаписи интервью). Даже если мы допустим, что устная история дает возможность рабочему классу действительно говорить самому за себя, то все равно очевидно, что этот класс не просто говорит сам по себе, но обращается к историку, разговаривает с историком и — поскольку материал оказывается опубликованным — выражает себя через посредство историка.

Действительно, природа устного источника не препятствует тому, чтобы рассказ историка о прошлом выражал его собственные взгляды. Историк отнюдь не растворяется в своих источниках — на самом деле, все может быть как раз наоборот. Он может придать убедительность своим рассуждениям, представив их не от своего имени, а от имени рассказчика и используя свидетельство интервью. Его нельзя считать лишь простым посредником, воспроизводящим представления угнетенных классов о своем прошлом, — напротив, его ответственность за рассказанное лишь возрастает.

В гораздо большей степени, нежели письменные документы (на которые часто распространяется ореол объективности создавших их институтов — хотя, конечно же, они созданы отдельными людьми, а о них мы можем знать очень мало или совсем ничего), устный источник окрашен субъективным восприятием рассказчика. Рядом с первым лицом интервьюируемого стоит первое лицо историка, без которого не было бы самого интервью. Высказывания как информанта, так и историка имеют нарративную форму, что встречается значительно реже, когда мы имеем дело с архивными документами. В известном смысле, информантов также можно рассматривать как историков, а историк, с определенной точки зрения, есть часть своего источника.

Авторы традиционных исторических сочинений обычно вводят себя в свое повествование в той роли, которую теория литературы

описывает как «всезнающий рассказчик». Они повествуют от третьего лица о событиях, в которых они сами не принимали участия. Они владеют всем доступным материалом, им открывается полная картина событий. Они представляют себя как отстраненных и беспристрастных наблюдателей, никогда не вмешивающихся в повествование, — разве что иногда, подражая романам XIX в., позволяют себе выступить со сторонними комментариями. Устная история меняет сам подход к написанию исторической работы — подобно тому, как современный роман преобразовал подход к написанию литературного произведения: самое существенное изменение состоит в том, что рассказчик отныне оказывается вовлеченным в повествование и становится участником самой истории.

Это не просто переход от грамматического третьего лица к первому, но совершенно новое отношение к повествованию. Рассказчик становится теперь одним из действующих лиц, и сам процесс рассказа есть часть рассказываемой истории. Если сравнивать с текстами, в которых рассказчик находится за рамками своего повествования, то такой подход предполагает гораздо более глубокую личностную и политическую причастность автора к описываемым событиям. Политический радикализм устной истории заключается не в ее программных заявлениях, не в субъективном отождествлении исследователя с одной из борющихся сторон или, тем более, не в предпочтении, отданном одним источникам перед другими. Скорее, речь идет о неизбежном присутствии историка в своем рассказе, о признании ответственности, которую накладывает это присутствие, о понимании того, что историография сама по себе есть уже акт создания нарратива. Выбор исследователем той или иной политической позиции становится менее заметным и декларативным, но более фундаментальным, оказывается неразрывно связанным с его исходными теоретическими и методологическими установками.

Миф о том, что историк, как действующее лицо, может раствориться в объективной истине источников, созданных рабочим классом и повествующих о его жизни, был составной частью взглядов на политический протест как такую сферу деятельности, в которой человеческая индивидуальность должна была быть отринута в пользу становления профессионального активиста, поглощения этой индивидуальности абстрактно понимаемым рабочим классом. Ирония заключается в том, что в результате мы все равно приходим к традиционному пониманию ремесла историка, чья личность остается совершенно в стороне от того, о чем он пишет. На первый взгляд могло

показаться, что историки, занимающиеся устной историей, подчинились действующим лицам своего повествования; на самом деле, историк все меньше становился «посредником» между рабочим классом и читателем, а все больше — главным героем своего повествования.

При написании исторической работы, как и в литературе, перенос акцентов на роль повествователя приводит к тому, что функция рассказчика дробится между многими действующими лицами. В романе — таком, например, как «Лорд Джим» Джозефа Конрада — герой, и он же рассказчик — Марлоу, может рассказать лишь о том, что он сам видел и слышал: для того чтобы рассказать нам «всю историю», он вынужден привлечь к участию в своем рассказе несколько других «информантов». То же самое происходит и с историками, работающими с устными источниками. Чтобы самому непосредственно и явно войти в свой рассказ, историк должен позволить своим источникам выступить в повествовании самостоятельными рассказчиками, говорящими своим собственным языком¹⁸.

Из сказанного следует, что на смену беспристрастности всеведущего рассказчика, свысока окидывающего взором прошлое, приходит повествование, в котором представлено множество различных точек зрения, каждая из которых по-своему ограничена. Под «ограниченностью» здесь мы понимаем одновременно как «неполноту знаний», так и «пристрастность» и наших источников, и самого рассказчика. Устная история никогда не может остаться в стороне, не занять какой-то позиции, поскольку эти стороны, позиции присутствуют в самом процессе рассказа. Конечно, это не означает, что историк должен разделять взгляды своих источников, быть с ними «на одной стороне», даже если их политические позиции и совпадают. Столкновение различных ограниченных точек зрения — столкновение как «конфликт» или столкновение как «поиск единства» — это как раз то, что наряду с другими вещами и позволяет устной истории сохранять свою притягательность для исследователей.

¹⁸ Ср.: Todorov T. Les hommes-récits // Todorov T. Poétique de la prose. Paris: Seuil, 1971.